

Первая попытка со стороны нѣсколькихъ лицъ выразить и закрѣпить то, что каждымъ изъ нихъ было увидѣно въ опредѣленный моментъ, — когда почувствовалось, что пришелъ къ концу какой-то исторической цикль, и разомкнулась, надъ горестной картиной разрушеній, мгла войны и междуусобія, — была воспринята критикой, какъ нарочитое стремленіе къ искусственному созданію идеологіи; въ этой связи евразійство возводилось къ тѣмъ или инымъ духовнымъ вліяніямъ прошлаго. — Для евразійцевъ было бы въ высокой мѣрѣ отраднo сознать себя находящимися въ опредѣленномъ православно-русскомъ духовномъ преемствѣ, включающемъ въ себя и славянофиловъ, и Гоголя, и Достоевскаго, и Леонтьева. Но какъ разъ въ тѣ моменты, когда заносились на бумагу мысли и слова, составившія „Исходъ къ Востоку“ (Утвержденіе евразійцевъ, книга I-ая), сознаніе всѣхъ насъ въ такой мѣрѣ было подъ властью непосредственной катастрофичности происходящаго, что всякія виѣшнія духовныя вліянія притуплялись, и сознаніемъ владѣлъ и сказывался въ немъ исключительно

личный опытъ въ происшедшемъ. Въ своей духовной основѣ — книги евразійскихъ сборниковъ явились и осуществлены отнюдь не какъ попытка построить исторіософскую или другую надуманную систему; это, прежде всего, — книги личного опыта нѣсколькихъ лицъ. Слѣдуетъ отличать существо почувствованнаго ими отъ внѣшняго словеснаго выраженія: пусть личный опытъ этотъ выраженъ несовершенно и немощно: такъ трудно словесную преграду изъ привычныхъ, книжныхъ и мертвыхъ словъ преобразить въ выразительное слово; — содержаніе евразійства не вычитано въ книгахъ и не навѣяно духовными движеніями прошлаго, оно дано самой жизнью. Въ этой жизни заложены основанія того, что вышедшій изъ нея опытъ расположился въ линіи основного русскаго православнаго преемства. Для насъ самихъ историческія связи наши уяснились въ огромной степени путемъ послѣдующихъ, а не предварительныхъ сопоставленій. Въ этомъ, для нашего сознанія, — знакъ истинности того, о чемъ въ свое время свидѣтельствовали русскіе духоучители и ясновидцы: о томъ, о чемъ они говорили, въ настоящій моментъ говорятъ не только ихъ книги, но и процессы историческаго бытія.

Итакъ, на путяхъ самосознанія евразійство есть прежде всего выраженіе личного духовнаго опыта. И поскольку евразійство есть идеологія, оно есть идеологія, вытекшая изъ такого опыта. И если-бъ мы думали, что это иначе, мы отказались бы вовсе отъ всякой идеологіи. Ибо всячески слѣдуетъ утвердить личный, мучительный, тревожный и страстной опытъ, какъ первый здоровый и подлинный источникъ идеологіи, личной и коллективной... Только во вторую очередь и въ порядкѣ послѣдующаго осознанія, евразій-

ство ощущается нами, как стремление обострить и усилить въ современности и историческую память. Нужно надѣяться, что въ отвѣтъ на лозунги отрицанія и разрушенія, провозглашенные въ послѣдніе годы, стремление и воля осознать и воздѣлать положительныя православно-творческія и государственно-созидающія начала русскаго бытія найдутъ себѣ не одинъ, но много средоточій и фокусовъ. Мы желали-бъ, чтобы евразійство стало однимъ изъ такихъ средоточій, однимъ изъ хранилищъ, куда собирались бы и гдѣ накопились цѣнности православно-религіознаго, культурно-творческаго и государственно-патріотическаго русскаго духовнаго опыта...

Евразійство въ своихъ идеяхъ и чувствахъ—находится на пересѣченіи двухъ плановъ: отвлеченнаго мышленія и конкретнаго видѣнья. Мы не можемъ притязать на чистоту вида воспріятія. Мы — не религіозные діалектики и мы — не безоглядные эмпирики; и въ то же время, въ какой-то мѣрѣ, мы обращены и къ религіозной сущности и къ самой насущной, вещной реальности; мы — метафизичны и въ то же время этнографичны, географичны. Это сочетанье намъ кажется не случайнымъ. Важнѣйшими задачами современности считаемъ мы: съ одной стороны — пронизываніе эмпирии духовной сущностью, съ другой — воплощеніе вѣры въ конкретно-жизненное исповѣдничество и дѣланье.

Разобщеніе плановъ порождаетъ безплодіе, или катастрофу. И весь опытъ революціи, столь богатый злымъ умствованіемъ и насыщенный бездушно-плотскимъ началомъ, такъ-же, какъ и опасности, намъ предстоящія — въ реакціи повторить все то же, но только наоборотъ, — не показываютъ-ли они, что силы нужно накапливать именно

на смычокъ духовнаго и тѣлеснаго, отвлеченнаго и конкретнаго, чтобы строить духовную жизнь, соприкасающуюся съ конкретнымъ и осуществлять эмпирическія достиженія, просвѣтленныя духомъ?..